

Достоевский инстинктивно знал этот канон трагического искусства и свято соблюдал его. Да иначе, без катарсиса, произведения Достоевского не имели бы того захватывающе-притягательного эффекта, которым они, несомненно, обладают.

Этот катарсис носит в случае Достоевского тройной характер. Прежде всего, это — катарсис художественный. — После душевных бурь, страстей плоти и духа, мучительных сцен, скандалов и катастроф, — к концу романов Достоевского чуткий читатель не может не ощутить чувства некоего высшего спокойствия. Достоевский умел выводить читателя из смертоносного потока времени к порогу Вечности, когда мы начинаем обзрывать мальштрем событий и переживаний с точки зрения вечности, когда мы объективируем трагедию. Именно объективация трагедии приводит к тому освобождающему эффекту, о котором столь красноречиво говорил Аристотель в своей «Поэтике»*.

Второй аспект катарсиса можно было бы назвать высшим духовным удовлетворением от зрелища самонаказуемости зла. Все отрицательные герои Достоевского или погибают (духовно или физически), — Ставрогин и Смердяков вешаются, — или восстанавливают свою утраченную духовную гармонию (как Раскольников). Или, наконец, как в случае Ивана Карамазова, они заболевают душевной болезнью, исход которой автор намеренно оставляет неясным.

Но это — лишь негативный катарсис.

Положительный же, третий и главный аспект катарсиса заключается в пламенной вере Достоевского во Христа как Богочеловека. Недаром писатель так часто употреблял выражение «сияющий образ Христа». И в одном из своих высказываний он прямо заявил: «Не мораль, не учение Христово спасут мир, а лишь вера в то, что Слово стало плотью».

Я имею в виду при этом не только личную, человеческую веру Достоевского во Христа, но прежде всего тот факт, что лучшие его произведения, особенно «Братья Карамазовы», проникнуты этой верой, которая просвечивает сквозь канонический текст романа. Об этом уповании на Христа говорят Алеша и старец Зосима. Пусть эти образы не так хорошо удались Достоевскому, как образы негативных героев. Все же Достоевский художественно обличает зло и возносит добро именно ради этой веры, которую не может не почувствовать сколько-нибудь чуткий читатель. Эта вера играет роль как бы незримого света, которым он освещает даже темные души своих отрицательных героев.

Христианство Достоевского не имеет ничего общего с сентиментальным сладкосердечием или с морализмом. Его вера не была слепой, она закалилась в «горниле сомнений». Он знал своих противников-атеистов слишком даже хорошо, ибо одно время он был сам одним из них.

*Известное положение Аристотеля, применявшего понятие «катарсис» к трагедии как литературному жанру: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному... совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» («Поэтика», гл. VI, 1449 b), слишком кратко и грамматически двусмысленно; оригинал, допускающий другой перевод («...очищение от подобных аффектов»), оставляет открытыми многие вопросы: в чем сущность этого очищения, кто ему подвергается (герой трагедии или сопереживающие ему зрители) и т. п.

В современной филологии катарсис понимается как особая, нередко высшая форма трагизма, когда воплощение трагического конфликта (и сопутствующее ему потрясение) не подавляет своей безысходностью, а производит (на читателя, зрителя) просветляющее, «разрешающее» действие. — *Примеч. ред.*